

гом – как полный регресс, «глубокий откат назад даже по сравнению с общиной», а следовательно, отрицание модернизации (с. 136), в третьем – «гибель деревни» выступает вообще как «цена модернизации». Каков должен быть тогда окончательный ответ на поставленный автором «сакраментальный вопрос: почему погибло крестьянство в крестьянской стране?» (с. 138). Не ясно, каковы были преобладающие мотивы для выбора властью тех или иных решений – преобладали в них утопические (т.е. вполне иррациональные) постулаты, хозяйственная необходимость (своего рода «рациональный выбор») или доминировали цели выживания и борьбы за власть (т.е. спонтанные реакции на поступающие внешние вызовы). На мой взгляд, многое зависит от принятого в исследовании объема понятия «модернизация»: если оставить в стороне утопические задачи построения коммунизма и считать, что цель модернизации – уничтожение традиционного крестьянства (наподобие английского огораживания XV–XVIII вв.) и промышленный переворот любой ценой, то она была достигнута: уже во второй половине 1960-х гг. городское население численно превзошло сельское (с. 173); но если считать, что ее цель – в применении технологий и росте производства сельскохозяйственной продукции, то она потерпела полный провал (из страны, вывозившей хлеб, Россия к 1970-м гг. превратилась в страну, тратившую до 50% долларовых поступлений на покупку продовольствия) (с. 173). Иначе говоря, нужны более дифференцированные критерии для заключения об относительном или абсолютном провале советской стратегии аграрной модернизации. Принципиальное значение в этом контексте имеют выводы о культурных, правовых и институциональных параметрах успешности рыночных

реформ на современном этапе. К их числу относятся: научная концепция, целенаправленная подготовка и проведение реформ с учетом стереотипов сознания и фактора времени, воля к переменам общества и государства, которое, отложив круг «внешних и сиюминутных задач», призвано «разрешить узел накопившихся проблем» (с. 225).

В целом перед нами обобщающее, аргументированное и современное исследование аграрных реформ в России, сочетающее социологический анализ проблемы со знанием специфики сельскохозяйственных отношений на разных этапах российской истории. Аграрные реформы, как показывает автор, не сводятся к экономическим, но охватывают сферы социальных отношений и политической власти. Они могли бы быть успешно проведены в рамках перехода к рыночной экономике и правовому государству сразу после отмены крепостного права и преодоления общинных традиций на рубеже XIX–XX вв. Срыв этих преобразований в советский период не снял поставленных ими проблем, но только отодвинул их решение на столетие. Созданная в результате революции политическая система на всех этапах своего развития делала выбор в пользу торможения полноценной аграрной модернизации и исключала поворот от экстенсивного развития к интенсивному. Этот дефект стал основной причиной гибели системы и повторного поиска решений по линии рыночной экономики и правового государства. В этом основной итог XX в. и напутствие деятелям аграрных преобразований будущего.

А.Н. Медушевский,
доктор философских наук
(Институт российской истории РАН)

Россия и Германия в XX веке / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бурдюгова, А. Фольперт. Т. 1. Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. 1024 с.; Т. 2. Бурные порывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. 896 с.; Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. М.: АИРО-XXI, 2010. 1032 с.

«Следы мировых войн, оставшихся в сознании поколений, – справедливо написал один из авторов рецензируемого труда, – намного глубже, чем следы воронок и заросших травой окопов» (т. 1, с. 144). Учитывая конфронтационный опыт взаимоотношений России и Германии и запредельную плотность человеческих трагедий на каждый «метр» ве-

ковой дистанции, упоминание Германии в контексте XX столетия вызывает у многих россиян старшего возраста самые драматические ассоциации и переживания. Даже стратегический альянс между СССР и ГДР с попутной переемтацией восточных немцев в партнеров по социалистическому содружеству не снял груз предубеждений окончательно, тем более

в ситуации, когда в Советском Союзе тщательно калькулировались рецидивы реваншизма и неонацизма в общественно-политической жизни ФРГ, а не усилия западногерманского социума по денацификации. Застарелая травма изживалась лишь через пересмену поколений, по мере осознания параллелизма пути, пройденного Россией и Германией, и во многом благодаря той позитивной динамике, которую на современном этапе демонстрируют представители германского общества, в том числе ученые. В данной плоскости нельзя не отметить коммуникативный и этический потенциал трехтомника «Россия и Германия в XX веке». Бесспорно, что настоящий труд о взаимоотношении, взаимовлиянии и взаимодействии россиян и немцев углубляет процесс взаимопонимания народов в соответствии с постулатом, некогда озвученным лейпцигским филологом А. Лютером: «Мы зависим от России, а Россия – от нас» (т. 2, с. 625).

Рецензируемый труд ведет свою «родословную» от Вуппертальского проекта, посвященного конструктивным западно-восточным взаимоотношениям¹. При поддержке Министерства науки и исследований Северной Рейн-Вестфалии единомышленники покойного Л.З. Копелева распространили программу исследований на XX в. За 10-летний срок проблематика проекта нашла свое воплощение на страницах научных периодических изданий и региональных сборников, а также на семинарах и конференциях в Бохуме, Кёльне, Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Екатеринбурге, Липецке и Челябинске. Результатом интенсивных изысканий немецких и российских ученых и организационных усилий кураторов проекта – слависта и литературоведа К. Аймермахера, историка Г.А. Бордюгова, искусствоведа А. Фольперт – стал выход трехтомного труда в 2005–2006 гг. в Германии, а в 2010 – в России. Незначительная пауза позволила редакторам и техническим исполнителям проекта тщательно доработать научный аппарат и дополнить российскую версию труда статьями В.Э. Молодякова (т. 1), Т.А. Филипповой (т. 2), К. Аймермахера и Г.Н. Ульяновой (т. 3).

Издание объединило около сотни исследователей из Европы и России – от швейцарского Базеля до уральского Челябинска, от приморского Гамбурга до степного Волгограда. «Мультикультурный» авторский коллектив составили историки, политологи, юристы, философы, филологи, искусствоведы, библиографы, священники и теологи, представители естественных и технических наук (к сожалению, мало представлены российские германисты). Прежде всего, следует отметить историогра-

фическую культуру и эрудицию германских коллег. Как правило, исследовательский текст и научный аппарат в их работах представляют почти равноценный интерес. Российские ученые чаще всего минимизируют историографический шлейф в пользу археографических изысканий и преимущественного внимания к историческому источнику. Еще один нюанс, отличающий национальные школы историографии, – мера политкорректности. Зарубежные исследователи, по словам Фольперт, обозревая прошлое, не забывают о снисхождении потомков (т. 3, с. 721–723). При выборе сюжетов из числа «неприглядных страниц» российские авторы, судя по содержанию книг, не столь великодушны к прошлому, нежели их немецкие коллеги.

Авторскому коллективу удалось предельно расширить перечень исторических источников и топографию архивного поиска. В распоряжении ученых оказались материалы более 70 федеральных, ведомственных и региональных архивохранилищ Германии, России и США, в том числе использовались фонды академических учреждений и коммерческих предприятий, музеев и крупнейших библиотек, в научный оборот также были введены материалы личных архивов и коллекций. В научных трудах, признаться, не часто встретить такое разнообразие источников: законы и нормативные акты, делопроизводственная и судебно-следственная документация, периодические и агитационные издания, источники личного происхождения, философские трактаты и публицистика, художественная литература и фольклор, фоно- и кинодокументы. Некоторые авторы, очевидцы событий минувшего столетия, не только обратились к собственным впечатлениям и жизненному опыту, но и пригласили в свидетели своих собеседников и корреспондентов. Бесценное значение имеют представленные в отдельных статьях данные «устной истории», анкетирования и социологических опросов. Особой похвалы заслуживает иллюстративный ряд издания. Опубликованные (зачастую малоизвестные) фотопортреты, плакаты, кинокадры, карикатуры, репродукции рисунков являются не столько декоративным, сколько информативно-функциональным дополнением к тексту.

Координаторы научного проекта принципиально сместили акцент с общепринятой истории государства и его институтов на приобретенный в XX в. социокультурный и индивидуальный опыт немцев и россиян. Основная задача виделась им в том, чтобы показать человеческий аспект политической истории и ее обыденное измерение. Такой подход предопределил междисциплинарный и отчасти

компаративный вектор изучения многочисленных сюжетов в контексте двусторонних отношений. Поэтому в трехтомнике наряду с дипломатической историей фигурирует история повседневности, биографику дополняет антропологическая история, интеллектуальная история соседствует с историей науки. Приемы и навыки этнографии, искусствоведения, социальной психологии и литературоведения уместно разнообразили методологическую палитру исследователей.

Структурно «Россию и Германию в XX веке» позволительно назвать триптихом. Такую архитектуру издания определили, во-первых, характер межгосударственных отношений на разных исторических этапах и, во-вторых, логика внутривойсковых трансформаций цивилизационного порядка. Наиболее драматичная первая книга посвящена мировым войнам, когда предпочтительным инструментом наблюдения россиян и немцев друг за другом являлся «оптический прицел», а объект «познания» чаще всего рассматривался в качестве мишени. Вторая книга охватывает мятежный и брызгливый межвоенный период, в течение которого стороны постепенно перешли от многостороннего и в целом заинтересованного диалога к планомерной реконструкции на случай коллапса двусторонних отношений. Тематическая панорама третьей книги определяется атмосферой холодной войны, чьи «низкие температуры» во многом задавались противоречиями внутри «треугольника» ФРГ – СССР – ГДР. Большой объем рецензируемого издания не позволяет рассмотреть каждую статью по отдельности, хотя они, по мнению рецензента, того вполне заслуживают. Позволю себе свести все материалы к четырем моделям изучения прошлого.

В первой модели, условно назовем ее персонифицированной, или биографической, объектами анализа выступают конкретная личность и отдельная человеческая судьба. Исторический статус личности, разумеется, учитывался исследователями, однако не рассматривался в качестве решающего критерия. Поэтому в число представленных персонажей наравне со знаковыми фигурами, такими как И.В. Сталин или Г.В. Чичерин, оказалось возможным включить безвестного немецкого фронтовика Ф. Грелле. На страницах много-томника нашлось место мыслителям В.В. Розанову и Ф.А. Степуну, прозаикам Г.Бёлю и И.Г. Эренбургу, А. Зегерс и В.В. Набокову, поэтам В.Я. Брюсову, И. Бехеру и И.А. Бродскому, романтику «решительных боев» В.В. Вишневскому и трубадуру «солдатского национализма» Э. Двингеру. Особого внимания удостоились также ученые и предста-

вители искусства: исследователь Восточной Европы М. Винклер, ботаник Н.И. Вавилов и генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский, режиссер Э. Пискатор, архитектор Ф. Тольциннер, театральный художник Э. Гельмс, коллекционер и популяризатор русского искусства Х. Вальден. Некоторым из них суждено было стать не только творцами и эmissарями национальной культуры, но зачастую – посредниками между разными народами. В относительном меньшинстве – политические и общественные деятели: депутат рейхстага М. Эрцбергер и революционер К. Радек. Авторы биографических реконструкций сфокусировались на событиях и вопросах, объединявших или, наоборот, разводивших Россию и Германию, и нашедших свое преломление в мировоззрении и деятельности вышеперечисленных лиц.

Вторая модель отличается своей представительностью и диалогичностью. В ее рамках государственные и общественные институты, национальные и этнорелигиозные общности, сословные и корпоративно-профессиональные группы выступают одновременно как объекты и субъекты исторического процесса. Акцент переносится на оценки, концептуальные соображения, опыт и адаптационные стратегии, вызванные перекрестными обстоятельствами войны и мира, политического диктата и общественного протеста. Основными акторами и интерпретаторами эпохи, ее триумфаторами и потерпевшими предстают интеллектуалы и маргинальные слои населения, политэмигранты и деятели культуры, военные и дипломаты, русские коллаборационисты и участники антигитлеровской оппозиции, крестьяне и предприниматели, врачи и спортивные менеджеры, священнослужители и ученые, западногерманские барды и так называемые шестидесятники. В совокупности, такой стратифицированный до контрастности реестр позволяет получить некий «рентгеновский снимок» социального остова двух наций и «кардиограмму» политической культуры XX столетия. В ряде статей рассмотрен вопрос, каково было ощущать себя немцем в России в период военных катастроф и межнационального разлада. Посягательство государства на религиозные устои, политические репрессии, депортации, выморочная доля трудоармейцев, дискриминация спецпоселенцев – это грани одной проблемы. Если империалистическая война обернулась для российских немцев имущественными потерями и моральными издержками, то социальная инженерия сталинского режима привела к разрушению важнейших механизмов воспроизводства диаспоры и к последующему кризису немецкой идентичности.

Следующая модель касается служебной, общественной и частной рефлексии русских и немцев по поводу важнейших процессов и событий международной, общественной и культурной жизни. К их числу исследователи отнесли фатальное нарастание взаимной отчужденности между народами в преддверии военной конфронтации и кульминацию русофобии и антигерманских настроений в противоборствующих державах в период мировых конфликтов, кратковременную оккупацию царской армией отдельных провинций Восточной Пруссии, социалистический эксперимент в России и нацистский – в Германии, гражданскую войну в Испании, советско-германскую эрзац-дружбу 1939–1941 гг., восточногерманскую действительность и июньские волнения 1953 г. в ГДР, тоталитарные режимы и их пропаганду, произведения художественной литературы и киноискусства. Процедуры осмысления настоящего и переоценки прошлого варьируются в терминах общественного мнения и читательского интереса, массовых настроений и откликов, эмоций и переживаний, исторической памяти и освоения чужого опыта и наследия, к примеру, литературного, научного или технологического. Отношение немцев и россиян к самим себе и к другим принимает формат аналитических донесений военных атташе и послов, фило-софско-публицистических дискуссий вокруг книги О. Шпенглера «Закат Европы», юридической казуистики и общественной полемики о виновниках мировых войн и преступлений, художественного творчества в эмиграции или латентного сочинительства и распространения анекдотов в подцензурной среде.

К предмету последней исследовательской модели относятся, во-первых, формы самодиагностики и самопрезентации немцев и русских, а во-вторых, стратегии и средства конструирования и тиражирования национальных образов, имиджа чужого государства и репутации его политических лидеров и господствующих элит. Целый ряд авторов всесторонне рассмотрели, как мировые войны и распад империй, революции и вызовы модернизации задавали радикально непохожие сценарии сосуществования двух народов с вытекающими отсюда познавательными интересами, задачами духовной мобилизации соотечественников или психологического воздействия друг на друга. В настоящем дискурсе литературные жанры и политическая песня, игровой и документальный кинематограф, плакатная живопись и сатирическая графика выступали в качестве культуртрегеров, миссионеров и агентов политического маркетинга. Актуальные идеологии и художественные образы, героические

символы и враждебные стереотипы целенаправленно насаждались и культивировались пропагандой и контрпропагандой в расчете на комплиментарное восприятие «своих» и одномерно-предосудительное – «чужих». Авторы неоднократно обращаются к сюжетам, связанным с творчеством, просвещением и информационной политикой. Скрупулезного изучения удостоиваются школьное образование и книгоиздание, библиотечные фонды и иллюстративные журналы, театр и эстрада, телевидение и радиовещание, спорт и туризм. Такой массивный и репрезентативный взгляд на творческий и коммуникативный арсенал XX столетия позволяет уточнить многие вопросы, связанные с манипулированием общественным сознанием и его эффективностью.

Обозначенные модели, разумеется, редко представлены в схематическом виде и чаще всего наслаиваются друг на друга, образуя более причудливые комбинации. При чтении книг создается впечатление движения по спирали и непрерывности процедуры верификации предшествующих текстов. Отдельные сюжеты, персоны и факты повторно обнаруживаются в различных контекстах и эпохах, чем выявляется единодушие или, наоборот, разночтения авторов, достигается корректировка независимых, а порою весьма амбициозных выводов. Правда, в трехтомнике наблюдается и некоторая асимметрия. Неоднократная артикуляция проблемы немецких военнопленных и депортированных специалистов заслуживает одинакового внимания к трагедии их российских современников, в том числе остарбайтеров (в данном случае кажется неоправданным исключение из русского издания соответствующих текстов П. Поляна). Синхронизация аналогичных тем в таком фундаментальном труде более чем резонна и правомерна. Так или иначе, данное издание способствует легитимации многих сюжетов в рамках исторической науки и стимулирует постановку некоторых малоисследованных проблем. К тому же сами координаторы проекта оговаривают, что по ряду причин в трехтомнике обнаруживаются тематические лакуны и многие вопросы остаются открытыми для дальнейшего изучения. К таковым вполне можно отнести гендерную историю и историю детства, экономическую мысль и трудовую этику, потребительскую культуру немцев и россиян, деятельность гуманитарно-благотворительных фондов, немецкую колонию в СССР в годы первых пятилеток и советских диссидентов, смешанные браки и бытование немецкого и русского языков в обеих странах, образы ГДР и восточных немцев в системе представлений советского общества,

например, военного и гражданского персонала Группы советских войск в Германии.

Выход в свет «России и Германии в XX веке» без всяких преувеличений можно назвать незаурядным событием. Своим содержанием, методологическим обеспечением и документальной «начинкой» проект демонстрирует современные возможности познания прошлого. Разумеется, было бы желательным пролонгировать настоящий научный проект, который можно рассматривать как эталон для подготовки аналогичных трудов по истории

взаимоотношений россиян со своими многочисленными географическими соседями в Европе и Азии.

В.А. Токарев,
кандидат исторических наук
(Магнитогорский государственный университет)

Примечание

¹ Подробнее см.: Лев Копелев и его «Вуппертальский проект». М., 2002.

Д.В. Шин, Б.Д. Пак, В.В. Цой. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны. Серия «Российские корейцы». Автор проекта Д.В. Шин; отв. редактор Ю.В. Ванин. М.: ИВ РАН, 2011. 615 с.

В странах СНГ, по приблизительным данным, проживают более 550 тыс. представителей корейской общности. Судьба 172 тыс. советских корейцев сложилась так, что в результате проводимой государственной национальной политики в 1930–1940-х гг. они в принудительном порядке покинули Дальний Восток и были расселены в районах Казахской ССР и республик Средней Азии. В тяжелых условиях корейцы адаптировались к новым местам проживания, интегрировались в местный социум, перенося все возможные лишения и страдания¹.

24 июня 1938 г. была принята директива Наркомобороны СССР № 200/ш., основное требование которой сводилось к тому, чтобы из сферы обороны СССР немедленно были изгнаны не только корейцы, но и поляки, немцы, румыны, латыши, эстонцы и представители других этнических общностей. Однако в первые же дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. большинство проживавших в Советском Союзе корейцев прибыли в военкоматы страны с единственной просьбой – отправиться на фронт, демонстрируя тем самым готовность исполнить свой гражданский долг, уважение к предкам и любовь к той Родине, которую избрали отцы и деды, – России, а затем Советскому Союзу.

Следует отметить, что эта привязанность к Родине проявлялась корейцами на разных этапах истории российской государственности. В 1860-х гг. корейцы избрали русский мир. Многие из них перешли в православную веру. На Дальнем Востоке царское правительство возлагало большие надежды на корейцев, привлекая их на государственную, в том числе военную службу. Они переживали все те же невзгоды, которыми «болела» Россия. Так,

в «Забайкальских епархиальных ведомостях» (1914. № 20) читаем: «30 прихожан-корейцев обратились к архимандриту Ефрему с выражением желания пойти на войну добровольцами. Отец Ефрем их благословил и посоветовал пойти к губернатору». Судя по всему, это обращение корейцев потрясло воображение архимандрита. Закончив службу, он снова обратился к прихожанам со словами восторга: «Корейцы приняли православие, идут теперь в ряды русских защитников России, этим доказывают, что они возлюбили ее, вторую Родину, за которую готовы положить жизнь».

Подобным образом и в самом начале Великой Отечественной войны в Казахстане и республиках Средней Азии советские корейцы, 17–20-летние парни и девушки, шли в военкоматы с одной целью – попасть на фронт. А.М. Хан вспоминал: «Тысячи молодых корейцев, среди которых и только что окончившие школу, подавали заявления в местные военкоматы с просьбой направить их на фронт. Но тоталитарный сталинский режим, питавший недоверие к корейскому населению, которое считалось потенциальным пособником японского империализма, отказывал корейцам служить в рядах регулярной Красной армии»². Более того, военкоматы вместо фронта отправляли корейцев как «неблагонадежных» в трудовые колонны и батальоны. Профессор Г.А. Югай отмечал: «На фронт попали лишь единицы, оказавшиеся там по ошибке военкоматов или скрывшие свою национальность, выдававшие себя за других»³. Призывавшийся на фронт Сергей Югай писал: «В 1943 г. мне исполнилось 17 лет. По моей просьбе Сыр-Дарьинский райвоенкомат г. Кзыл-Орда призывает меня в армию. Горвоенкомат готовит нас к отправке в артиллерийский полк (так гово-